

А в Киеве мы застали всю семью Булгаковых (кроме отца, которого уже не было в живых). Время было тревожное. Немцы были в Киеве. Вскоре город заняли петлюровцы. Мужчинам необходимо было отмечаться, в противном случае грозили расстрелом. Однажды я, придя домой из города, застала записку М. А., в которой он по указанному им адресу просил принести ему папиросы. Я пошла по указанному адресу. Булгакова застала уже на тачанке. Оказывается, его петлюровцы мобилизовали, и ночью они должны были выступить. Но ночью мы услышали звонок. Оказывается, М. А. удалось уйти от петлюровцев. Как он нам рассказывал, они пошли на Подол, а там есть мост такой, который вел в какое-то селение (я уже теперь не помню его название), ночью началась паника, слышалась где-то близко пальба, наступали белые. И, воспользовавшись суматохой, Булгаков вернулся в Киев.

Вскоре в город вступили белые. Это уже был 1919 г. Булгакова опять мобилизовали (он занимался как врач частной практикой) и приказали ехать во Владикавказ.

Вскоре он меня туда вызвал. Мы жили в какой-то слободке, уже не помню сейчас ее названия. Город по сравнению с Киевом казался мирным и сытым. Помню, в витринах были какие-то караваи, которые я было приняла за торты, но Булгаков мне объяснил, что это кукурузные хлеба.

Булгаков в качестве врача недолго там поработал, и ему было приказано поехать в Грозный. Конечно, меня он не мог оставить во Владикавказе, и получив разрешение, забрал меня туда. Там восстали ингуши, в городе было очень неспокойно. В госпиталь, который находился довольно далеко от нашего жилья, я ездила вместе с М. А. Булгаковым, не выпуская из рук оружие. Ехать пришлось через кукурузное поле. Очень высокая кукуруза — с человеческий рост, конечно, пугала. Оттуда могли каждую минуту выскочить восставшие ингуши.

Я в госпитале помогала ему перевязывать раненых. Солдаты его полюбили и даже нас подкармливали. Так выздоравливающие солдаты где-то доставали арбузы и нам давали, хлебом кормили. Из Грозного М. А. направили в Беслан. Мы жили в теплушке. Булгаков лечил раненых, а вскоре мы опять очутились во Владикавказе. Жили в каком-то большом холодном помещении (не то в бывшей школе, не то в какой-то конторе). Работал М. А. много. Жили мы голодно.

Встречали мы Новый год (1920) у Гавриловых — он уже очень немолодой генерал, она еще довольно молодая, кокетливая дама. Были еще какие-то офицеры. Помню, все очень много пили, были взбудоражены. Дело в том, что Красная армия успешно наступала, слышались слова: «Большевики, красные». Спокойнее всех был М. А., он мало пил, сидел спокойно и, как мне показалось, иронически смотрел на эту пьяную компанию. Нам не было весело. Мы думали о судьбе близких, родных. Через некоторое время я случайно встретила Гаврилову Ларису. Она мне сообщила, что ее муж куда-то уехал, она не знает точно даже куда. У нее есть свободная комната, и ей хотелось, чтобы мы к ней переехали на квартиру. Вскоре мы в доме Гавриловых заняли комнату. Здесь-то М. А. и заболел тифом. Уже не помню, по какому поводу, М. А. ездил в Пятигорск, вернулся он оттуда со страшной головной болью, температура около 40. Я за ним ухаживала. Во время болезни Михаила Афанасьевича белые оставили город, а Красная Армия город сразу не заняла, только через 10 дней приблизительно вошли в город красные (в городе начался грабеж, разбивали склады, магазины).

М. А. стало очень худо. Я побежала за врачом, который жил от нас за несколько кварталов. Меня остановил кто-то. Схватил за руку и начал меня допрашивать, куда я так стремительно бегу. Я ему сказала, что у меня муж умирает, и я бегу за доктором. Он, очевидно, проникся сочувствием (вид у меня был очень расстроенный) и меня довел до квартиры врача. Врач помог Булгакову. Я дежурила у постели больного, помогала Ларисе, но потом она тоже заболела. Булгаков медленно поправлялся, с продуктами было очень туго.